

ПОВАР, ПАРТИЕЦ, ЕГО ЖЕНА И ЕЕ ЛЮБОВНИК

О фильме Наны Джорджадзе «Тысяча и один рецепт влюбленного кулинара» (сценарий Ираклия Квирикадзе)

Независимый газ - 1996 - 5 ноября - с. 57

Виктория Никифорова

Синема

ХРУПКИЙ кудреватый ханурик с изумленными глазами младенца, легкой походкой небожителя и ужасно идущей ему бородой, Пьер Ришар приехал в Москву. Столица встретила его пыльной осенней прохладой и пинком в задницу его старого сааба. Кроме этого, было несколько десятков журналистов на утренней пресс-конференции, легкая стычка между фотоаппаратами, не поделившими своего героя, и умиленное столпотворение в большом зале Киноцентра на премьере фильма Наны Джорджадзе «Тысяча и один рецепт влюбленного кулинара», где маэстро исполнил главную роль. Овации, блаженные улыбки, нежные расспросы — «почему вы живете на барже? как вы воспитываете своих детей? сколько в лучшие времена вы могли принять на грудь?» И приятно неофициальные ответы — «нравится, вот и живу; никак не воспитываю; ох, много!». Аромат славы и грузинской кухни. Опадающие лавровые листики. Первый комик европейского кино, поданный порционно (в отрывках из старых своих лент) и целиком (в «Рецептах»), как всегда, пришелся по вкусу своим поклонникам.

Сюжет, сочиненный Ираклием Квирикадзе специально для Ришара, можно пересказать в четырех словах, слегка перефразируя Гринюца: повар, партиец, его жена и ее любовник. С одной оговоркой — повар одновременно и любовник. Он крутит роман с грузинской княгиней; не оставляет это приятное занятие и после того, как революция в лице одного из своих вождей отнимает у него любовницу; старается всячески насолить ее мужу и его товарищам по партии; в конце концов теряет любимый ресторан, в создание которого вложил свое большое сердце, и тихо умирает от голода под крышами Тбилиси. У него бешеный темперамент, легкий, как язык пламени, характер и нестрогие понятия о чести. Он кулинар, жиголо, авантюрист. Наконец, он француз.

Представитель самой романтической в мире нации, Ришар привносит в мрачноватый фильм Джорджадзе лихую мушкетерскую повадку. Он здесь не столько комик, сколько герой-любовник. Его неподражаемая подвижность, изощренная до неуловимости техника обретают не забавное, а определенное патетическое звучание. Даже его привычное амплуа простака преобразуется: он играет иностранца, обреченного попадать в разнообразные кви прокво, но вскоре недоразумения, происходящие с ним, превращаются из комических трюков в трагическую закономерность. Плохо французку на холмах Грузии: отыгрывая этот сюжет, Ришар, по замыслу создателей, должен подняться от легкой комедии до высокой трагедии.

Что он и делает по мере своих сил. Начав с забавных и необременительных самоповторов, он блекнет на глазах, углубляется в переживания своего героя и меняет блестяще поверхностный стиль на трогательное, бесцветное и безрезультатное психологизирование. Умирание Паскаля он играет долго и внушительно. Позабыв про жалкие обноски и гложущий голод, его герой уходит в творчество, сочиняя и записывая нелепыми утонченными рецептами, свой кулинарный реквием. Ришар медленно бродит по экрану, весь такой просветленный. Это уже не П. Ишак, это просто Лев Толстой на станции Астапово.

Пьер Ришар среди новых грузинских друзей.

Тот же ненужный сбой происходит и в интонации картины. Приятная небязательность, свойственная первым кадрам фильма, сменяется угрюмым историческим исследованием на тему: почему все так хорошо было раньше и так плохо стало потом. «Раньше» — это, соответственно, до революции. Кинематографисты эпохи посткоммунизма вообще обожают все, что было «до», словно маленькие гимназистки, жалевшие хорошенькую Марию-Антуанетту в криволинейные и не любившие гадкую революционную толпу. Они, как дети, умиляются красивым платьям, сложным прическам и изысканным манерам. Грузинские киношники — не исключение. Джорджадзе в своей фирменной, знакомой манере изображает невероятные приключения француза в Грузии в трогательных пастельных тонах.

Однако чуть дело доходит до революционных катаклизмов, как обычный нежный настрой изменяет режиссеру. Оргии коммунистов в разоренном ресторане Ишака подаются с пылом белоэмигрантской агитки. Нормальных людей сменяют монстры с наглым на бедре и лозунгом на устах. Женщины обрезают юбки и волосы. «Прекрасная эпоха» гибнет на глазах. Лamentация на эту тему — дежурное блюдо нашего и не совсем нашего кино — постепенно выживают из картины традиционный «грузинский юмор». Его сменяют не менее традиционные грузинские сетования на злодейства Большого Брата.

Между тем богатства грузин-

ского веселья щедро расточались на съемочной площадке, Ришар с неподдельным упоением вспоминал забавное разгильдяйство и массовый артистизм, царившие на съемках. Как пела народные песни массовка, а Джорджадзе просила выключить камеры и слушать народ. Как ездили куда-то за тридевять земель всей группой, на нескольких автобусах в поисках природы и, объездив несколько точек, возвращались на исходные позиции. Как, только заслышав мелодию лезгинки, Джорджадзе пускалась в пляс с кинжалом в зубах. Его, делового и чопорного француза, особенности нацио-

нального кинопроизводства не мало развлекли. Нам же, зрителям, достались лишь обломки веселья, разбитого вдребезги идеологией.

Возможностей для веселья было немало — элементарных, фарсовых, — но чем они, собственно, плохи? Ришар, естественно, говорил по-французски; впрочем, его партнерша тоже; остальные мешали французский с грузинским; и только самые отъявленные злодеи изъяснялись по-русски. Вавилонское смешение языков могло бы превратить «Рецепты» в симпатичное подобие водевиля, тем более что поют на экране не меньше, чем говорят. В репертуаре — народные грузинские песни, «Интернационал» и ария Ленского, которую исполняет Паскаль в местном оперном театре. Партнеры его торопятся на званый вечер, поэтому Онегин пристреливает Ленского, едва тот начинает свои «златые дни». И бедняга с пулей в животе не желает отдавать свою главную арию и, превозмогая смертельные муки, вопрошает галерку: «Что день грядущий мне готовит?» Разъяренный Онегин всаживает в него всю обойму, но неукротимый Паскаль не сдается и тянет последнюю ноту. Чем плохо?

Возможно, если бы атмосфера хэппенинга, царившая на съемках, вошла в фильм, получилась бы комедия — традиционная, но от того не менее забавная. Но после нескольких привычных трюков создателям захотелось полной гибели всерьез. Вполне вероятно, она не за горами — а в прокате.

СМЕШНОЕ И ГРУСТНОЕ

История о французском поваре досталась Ираклию Квирикадзе по наследству от деда

Людмила Бухарина

Опыт

- В ГРУЗИНСКИХ комедиях всегда присутствует доля печали. Как вы объясняете это?

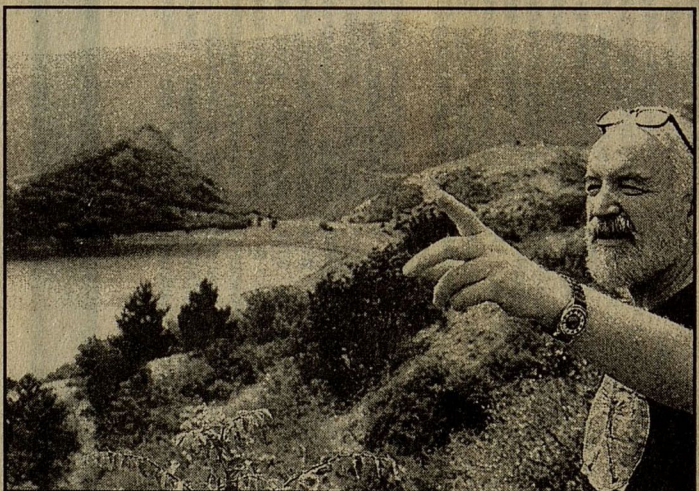
— На стыке двух противоположностей «смешно — грустно» и существует нация. Так сложилось исторически, что Грузия была маленькой жемчужиной христианского мира в окружении народов, исповедующих другие религии. Через нее проходили тысячи и тысячи завоевателей. Тостычные племена не раз и не два на протяжении столетий поднимались и неслись на Запад, сметая и опустошая все на своем пути. И Грузия, попадая на короткое время под чье-то влияние, благодаря жизнелюбию, стойкости народа неизменно возрождалась. Но ощущение горечи осталось. Все это и выплеснулось на экраны грузинского кино.

— Во времена Союза грузинское кино было всеми нами нежно любимо. Сейчас мы почти не знаем, что и как снимается в Грузии и снимается ли вообще.

— За последние шесть лет республика пережила невероятные катаклизмы, и сейчас как будто бы и не до кино. Что-то, конечно, снимается. Очень интересно работает Отар Иоселиани — хоть и во Франции, но это все же грузинское кино... Безусловно, сейчас кинематограф находится в состоянии паузы, может быть, перед новым прыжком, а может... Но я не хочу быть пессимистом.

— Что послужило импульсом к созданию сценария вашего фильма?

— В голове у меня живет множество разных историй, — некоторые вымышлены, некоторые услышаны где-то, выросли из маленького зернышка. Таким зернышком была слышанная мною от деда история о Французе, открывшем ресторан в Тифлисе и впоследствии умершем от голода.

Квирикадзе на холмах Грузии.

История поразила меня, и я захотел написать об этом рассказ, не помышляя о кино.

Как-то во Франции на встрече кинематографистов мы оказались за одним столом с Пьером Ришаром. Застолье, изысканные напитки и кушанья, французская речь, — все это напомнило старинную историю, и я рассказал ее в качестве застольного анекдота. История необыкновенно вдохновила Пьера, оказалось, что он давно мечтает сыграть француза в России (для заграничной Россия и Грузия — одно географическое понятие). Я написал сценарий, уже видя в этой роли Пьера Ришара с его могучим комедийным даром, но не совсем в привычном для него амплуа. Сначала в фильме много смешного, а потом он становится грустным и трагическим.

— Как выбирали исполнительницу главной роли — Нино Киртадзе?

— Нино — журналистка, очень смелая девушка. Работая на Би-би-си, она вела репортажи из Чечни. У Нино большой артистический талант. Она необыкновенно чувственная, органичная, совершенно особенная. Кинорежиссер Пьер Ришар уверен, что

Нино ждет большое будущее, и он готов ей помогать.

— Сценарий написан, фильм снят. Чем заняты вы сегодня?

— Состояние простоя мне не знакомо. Пишу много сценариев. На основе каких-то из них ставятся фильмы, другие ждут своего часа. Сейчас в Америке запускается в производство фильм по моему сценарию с названием «Убийство Вильяма Шекспира»: об американце, после войны оставшемся в России. Он живет в деревне, работает в колхозе, а с ним две девушки, бывшие военные летчицы, все вместе они образуют классический «любви-треугольник». Предполагается, что в фильме будут заняты именитые американские актеры. Кроме сценариев пишу рассказы, которые публикуются и в российских, и в американских изданиях. Так случилось, что в 1990 году я заболел, оказался в США, где мне сделали операцию на сердце. В Москве сейчас опубликован рассказ «Гипсовая шея» о моей жизни в Америке. А живу я и тут, и там. Снимаю фильм, сейчас он вышел на экраны, и я оказался здесь. Если дела позовут меня в Америку, поеду туда. Я живу там, где мое кино.